

Андрей Николаевичъ Красновъ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

Андрей Николаевичъ Красновъ родился 27 октября 1862 г. въ Петроградѣ. По происхожденію, А. Н.—донской казакъ. Его предки—казачьи генералы, прославившіеся (прадѣдъ Иванъ Кузьмичъ) въ качествѣ сподвижниковъ Суворова и Платова, и позже (дѣдъ Иванъ Ивановичъ) въ Крымскую войну. Достоинно замѣчанія, однако, что предки эти были не только военными героями, но и писателями—военными, бытовыми; писали даже стихи. Отецъ А. Н.—Николай Ивановичъ Красновъ, также участвовавшій съ отличіями молодымъ офицеромъ въ крымской и польской кампаніяхъ, уже и вообще болѣе извѣстенъ своими цѣнными статистическими и историческими трудами, относящимися до казачьихъ войскъ. Мать А. Н.—Ѳеодосія Ильинишна, рожденная Гаврилова, происходитъ изъ интеллигентной чиновничьей петроградской семьи. Выросла Ѳ. И. среди высокоинтеллигентной молодежи; въ домѣ ея отца бывали Драгомировъ, въ послѣдствіе герой войны 1878 года, братья Серно-Соловьевичи и др. Особенно же выдѣлялся въ ея семьѣ братъ ея—Михаилъ Ильичъ Гавриловъ, въ послѣдствіи директоръ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, высоко и всесторонне образованный человѣкъ, хотя и не оставившій лично яркихъ слѣдовъ въ общественной жизни.

А. Н. былъ старшимъ сыномъ и потому росъ преимущественно среди взрослыхъ—обстоятельство, повлекшее за собою раннее умственное развитіе. И дѣйствительно,—въ самомъ раннемъ возрастѣ А. Н. зачитывается не только особо популярными въ то время романами Жюль Верна, но и болѣе серьезными описаніями путешествій—Стэнли («Какъ я отыскалъ Ливингстона»), д-ра Кэна («Путешествіе къ сѣверному полюсу») и другими.

Рано проснувшаяся любовь къ природѣ находила свое дальнѣйшее развитіе преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, когда

семья А. Н. жила на дачѣ подѣ Петроградомъ—въ Парголово, на Лахтѣ, Лиговѣ, Лѣсномъ и т. п. Здѣсь А. Н. предавался обычному среди мальчиковъ собиранію растений и насѣкомыхъ. Но у А. Н. это занятіе вскорѣ приняло болѣе серьезный, не дѣтскій характеръ. Собираніе бабочекъ превратилось у него въ серьезное занятіе энтомологіей. Онъ не только читалъ и изучалъ извѣстныя книги Фигье, Брэма и др., но производилъ

А. Н. Красновъ въ ранніе дѣтскіе годы, съ отцомъ.

самостоятельныя наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ среди природы и дома. Коллекція бабочекъ Петроградской губерніи, собранная А. Н. въ отроческіе годы въ окрестностяхъ Петрограда, которыя онъ исходилъ пѣшкомъ, желая отыскать всѣ породы, указанныя въ спискѣ бабочекъ Петроградской губерніи Ершова, спустя много лѣтъ, была передана имъ въ одинъ изъ кабинетовъ Харьковскаго университета. Параллельно съ составленіемъ коллекціи бабочекъ, А. Н. собиралъ гусеницъ, воспитывалъ ихъ дома и куколки перевозилъ въ Петроградъ, гдѣ изъ нихъ выходили въ зимніе мѣсяцы бабочки. Онъ наблюдалъ процессъ

расправленія крыльевъ у только-что вышедшей бабочки, полетъ ея, развертываніе бабочкой хоботка у подставленнаго цвѣтка или кусочка влажнаго сахара и т. п. Эти наблюденія описывались и составляли предметъ особыхъ рефератовъ въ кружкѣ его гимназическихъ товарищей¹⁾.

¹⁾ Отголоскомъ этихъ энтомологическихъ увлеченій А. Н. является составленная имъ книжечка: *А. Красновъ. Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ*. Под. ред. Н. Л. Рѣштина, дѣйствительнаго члена Энтомологическаго общества. Изд. «С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ». 1881. Стр. 55. Цѣлью этой книжечки, какъ гласитъ предисловіе, является, во-первыхъ, пополнить у маленькихъ любителей насѣкомыхъ знаніе о нихъ, часто исключительно

Экскурсії въ поѣздахъ за рѣдкими бабочками сталкивали А. Н. съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, русскимъ и финскимъ. И уже въ отроческіе годы А. Н. отличался тою любовью къ народу, которая сопровождала его всю его жизнь. Онъ держался съ крестьянами не какъ барчукъ, а какъ равный, и они дѣлились своими познаніями. Въ этотъ періодъ своей жизни А. Н. научился финскому языку настолько, что не только могъ объясняться съ крестьянами во время своихъ путешествій (часто пѣшкомъ) по Финляндіи, но даже переводилъ отрывки изъ Калевалы (до Гранстрема и Бѣльскаго) звучными и красивыми стихами.

Увлеченіе А. Н. природой и естественными науками не ограничивалось энтомологіей. Еще съ дѣтства онъ любилъ растенія, гербаризировалъ и занимался разведеніемъ ихъ въ комнатахъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей—тоже большимъ любителемъ растеній. Они вдвоемъ выводили лѣтніе цвѣты изъ сѣмянъ и украшали ими дачныя клумбы. А нѣкоторыя изъ посаженныхъ въ дѣтствѣ

А. Н. Красновъ въ дѣтскіе годы.

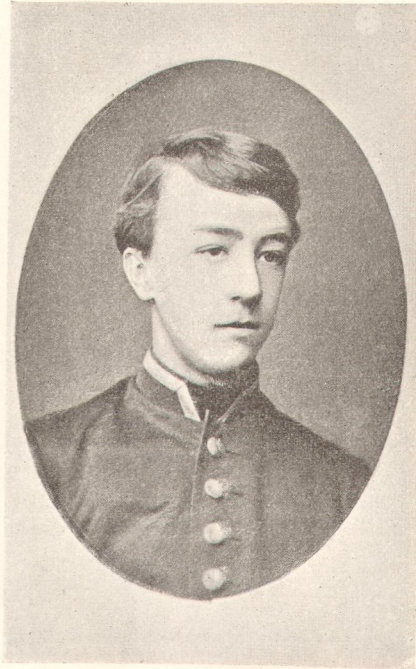
А. Н. сѣмянъ пальмъ выросли въ большія растенія, сохранявшіяся въ его семьѣ много лѣтъ спустя послѣ отъѣзда А. Н. въ Харьковъ на кафедру профессора географіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ же дядей, М. И. Гавриловымъ, А. Н., еще будучи гимназистомъ, изучалъ химію. По руководству Штекгардта, состоящее въ знакомствѣ съ ихъ морфологіей—знакомствомъ съ жизнью этихъ интересныхъ существъ, на которое мало обращаютъ вниманіе наши учебники; во-вторыхъ, возбудить въ дѣтяхъ желаніе наблюдать живыхъ насѣкомыхъ и отвлечь отъ безтолковаго умерщвленія ихъ для безцѣльнаго (въ большинствѣ случаевъ) составленія коллекцій ... Книжечка состоитъ изъ ряда коротенькихъ просто и живо написанныхъ очерковъ, въ которыхъ чувствуется, что авторъ былъ и наблюдателемъ.

Ред.

съ помощью простѣйшихъ приборовъ, они безъ специальной лабораторіи добывали кислородъ, водородъ, хлоръ, жгли стальную проволоку, магній и фосфоръ и производили вообще разнообразныя химическіе опыты.

Официальное образованіе А. Н. получилъ въ первой классической гимназіи. Въ ту эпоху—въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—въ гимназіи царилъ тяжкій гнетъ системы

А. Н. Красновъ гимназистъ.

классическаго образованія гр. Д. А. Толстого. О занятіяхъ молодого А. Н. естественными науками доходили свѣдѣнія и до гимназическаго начальства, и, конечно, оно смотрѣло на нихъ недоброжелательно. Однако, блестящія способности А. Н. не давали повода педагогамъ прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ, такъ какъ А. Н. успѣвалъ отдать свою дань и мертвымъ языкамъ. Онъ шелъ въ числѣ первыхъ учениковъ, а классиковъ—Вергилія, Овидія и Софокла переводилъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и курсъ гимназіи окончилъ съ золотой медалью.

Выпускъ, съ которымъ

 А. Н. проходилъ гимназическій курсъ, отличался высокимъ умственнымъ уровнемъ. Его товарищи по классу дали многихъ высокодаровитыхъ людей Россіи. Такъ, на научномъ поприщѣ, кромѣ А. Н., выдѣлились изъ его товарищей—академикъ по кафедрѣ минералогіи В. И. Вернадскій, профессоръ романской и германской литературы Ф. А. Браунъ, профессоръ физики В. А. Тюринъ. Въ классѣ А. Н. не было обычной среди гимназистовъ розни. Товарищи собирались другъ у друга для прочтенія научныхъ рефератовъ—каждый по своей специальности. Въ нихъ принимали участіе и ихъ болѣе старшіе товарищи—В. Н. Аггеенко—впослѣдствіи ученый ботаникъ—и Е. К. Чижевъ—впослѣдствіи инженеръ. Читались стихи, которые

писали нѣкоторые изъ ихъ кружка. Особенно отличался, какъ поэтъ, А. Н. Въ его стихотвореніяхъ обыкновенно затрагивались историческіе вопросы, или описывались впечатлѣнія среди природы, пережитыя имъ въ періодъ отыскиванія рѣдкихъ бабочекъ и растений. Особенно популярны были среди товарищей его поэмы «Два казака», изъ эпохи осады Очакова, и «Элли и Маати» съ художественнымъ описаніемъ Иматры. Любимымъ поэтомъ А. Н. въ эту пору его жизни былъ Некрасовъ. А. Н. писалъ въ подраженіе ему продолженіе поэмы «Кому на Руси жить хорошо» тѣмъ же размѣромъ и въ томъ же стилѣ. Весьма характерны для А. Н. уже эти его юныя произведенія. Въ нихъ отразилась его горячая любовь къ народу. Уже въ тѣ годы онъ съ горечью говоритъ о нѣмецкомъ засильѣ, пишетъ трогательныя баллады о крестьянскихъ подросткахъ, которымъ приходится съ дѣтства заниматься непосильнымъ трудомъ, посвящаетъ трогательную элегію смерти молодого крестьянина, убитаго въ то время, какъ онъ загородилъ собою другого отъ разсвирѣпѣвшаго пьянаго (случай изъ дѣйствительной жизни на дачѣ, свидѣтелемъ котораго былъ А. Н.).

Но особенно хороши многочисленныя описанія сѣверной природы, какъ вкрапленныя въ большія поэмы А. Н., такъ и составлявшія спеціальныя лирическія стихотворенія. Приводимъ отрывокъ одного изъ юношескихъ стихотвореній А. Н., особенно для него характерный:

«Прости мнѣ, южная природа,
 Что я теперь забылъ тебя.
 Во мнѣ славянская порода
 Теперь сказалась, и меня
 Ужъ манитъ Сѣверъ, вытѣсняя
 Дней дѣтства пылкія мечты,
 И пальмы Африки плѣняють
 Гораздо меньше, чѣмъ цвѣты
 Холодной родины. Прекрасны
 Мнѣ стали скучныя мѣста,
 Гдѣ я родился...
 И африканская охота
 Не замѣнитъ мнѣ никогда
 Моихъ на Лахтѣ приключеній,
 Моихъ охотъ на ось, жуковъ...
 Мною пережитыхъ впечатлѣній
 Весны моей златыхъ годовъ...

Какъ увидимъ, въ концѣ-концовъ А. Н. остался все-таки вѣренъ южной природѣ и среди нея нашелъ свое вѣчное успокоеніе. Но память о свѣтлыхъ дняхъ юности онъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ, и передъ своимъ окончательнымъ переселеніемъ въ Батумъ, онъ еще разъ посѣтилъ Петроградъ и объѣхалъ мѣста, гдѣ протекала его юность и изложилъ свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки въ своихъ яркихъ фельетонахъ въ «Южномъ Краѣ» (май и іюнь 1912 года).

Такъ въ повышенной умственной средѣ протекала ранняя юность А. Н.,—и дома и въ школѣ. Эта обстановка создала въ немъ подходящую почву для будущаго ученаго. Хотя А. Н. не избѣгалъ общества товарищей, даже участвовалъ вмѣстѣ съ ними по окончаніи курса въ прогулкѣ на лодкахъ по Невѣ съ цѣлью потопленія опостылыхъ учебниковъ въ ея водахъ, однако, уже и тогда его умъ и воображеніе были полностью заняты научными теоріями, настолько, что онъ и въ то время производилъ впечатлѣніе нѣсколько разсѣяннаго человѣка. Но это не была обычная разсѣянность, происходящая отъ невнимательности къ окружающему, а зависѣла, главнымъ образомъ, отъ поглощенія мысли какою-либо одною идеею.

II.

По окончаніи курса гимназіи, весною 1880 года, А. Н. въ лѣтніе мѣсяцы совершилъ нѣсколько экскурсій, преимущественно пѣшкомъ, по Финляндіи—на Иматру, а съ осени поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Петроградскаго университета. Послѣдній считалъ въ то время среди своихъ преподавателей рядъ крупнѣйшихъ ученыхъ. Химію читалъ Д. И. Менделѣевъ, ботанику А. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ, почвовѣдѣніе В. В. Докучаевъ, агрономію А. В. Совѣтовъ, зоологію Н. Н. Вагнеръ, анатомію Ф. В. Овсянниковъ, фізіологію И. М. Сѣченовъ и др. Съ первыхъ же недѣль своего пребыванія въ университетѣ А. Н. на практическихъ занятіяхъ въ ботаническомъ кабинетѣ обратилъ на себя вниманіе А. Н. Бекетова, который, со свойственнымъ ему радушіемъ, открылъ ему двери своего дома, и съ этого времени все университетское развитіе А. Н. пошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого серьезнаго ученаго и человѣка съ широкимъ гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Многіе свободные вечера молодой ученый проводилъ вмѣстѣ со старымъ патріархомъ русской ботаники въ живыхъ бесѣдахъ по научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Оба высоко

щѣнили другъ друга. И въ семьѣ А. Н. Бекетова, его женѣ и дочеряхъ, А. Н. тоже приобрѣлъ сочувствующихъ ему друзей, отзывчивыхъ на его запросы и тревоги — поддержка не мало-важная, въ виду существованія среди ученыхъ антагонизма и связанныхъ еѣ этимъ мелкихъ интригъ.

А. Н. Красновъ въ студенческіе годы.

Впрочемъ, благодаря открытому симпатичному характеру А. Н., далеко не чуждому общественности, вокругъ него всегда группировались другіе сверстники, съ идеальными потребностями. Такъ и въ университетѣ мало-по-малу образовался, параллельно официальному Обществу Естествоиспытателей, въ которомъ такъ же, какъ и въ Географическомъ Обществѣ, А. Н. принялъ самое

дѣятельное участіе, еще и кружокъ молодыхъ ботаниковъ. Собираясь онъ около уже немолодого тогда, но очень отзывчиваго ботаника, позднѣе академика и извѣстнаго миколога М. С. Воронина, но душою кружка несомнѣнно былъ А. Н.; такъ какъ именно послѣ отъѣзда его въ Харьковъ вскорѣ распался и кружокъ. Въ кружокъ этотъ входили изъ лицъ, пріобрѣтшихъ позднѣе извѣстность, В. Н. Аггеевко, Н. И. Кузнецовъ, Г. И. Танфильевъ, А. А. Антоновъ и нѣкоторые другіе.

Съ перваго же курса Университета А. Н. предается своей страсти къ путешествіямъ, которая сыграла такую видную роль во всей его жизни. Первая его поѣздка была совершена въ предгорія Алтая въ составѣ экспедиціи, снаряженной Министерствомъ Императорскаго Двора. А. Н. проѣхалъ туда черезъ Уралъ, поднялся по рѣкамъ и совершилъ разѣзды на перекладныхъ черезъ киргизскія степи. Свои геоботаническія изслѣдованія А. Н. производилъ въ Бійскомъ округѣ на Катунскихъ бѣлкахъ и въ Бухтарминской долинѣ. Юный студентъ добросовѣстно исполнилъ возложенныя на него порученія. Частію на лошадахъ, частію пѣшкомъ обошелъ онъ порученный ему районъ и вернулся лишь тогда, когда истратилъ все выданное ему пособіе буквально до послѣдней копѣйки. Вернувшись домой, онъ просилъ заплатить за извозчика! О своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, остроумныхъ наблюденіяхъ среди народа онъ писалъ письма своимъ роднымъ. Научныя же наблюденія изложилъ въ поэтически образно написанномъ отчетѣ («О растительности Алтая»¹⁾), который прочелъ въ засѣданіи Общества Естествоиспытателей. Здѣсь онъ впервые проявилъ способности блестящаго лектора, сразу выдѣлившія его не только среди молодыхъ, но и болѣе старыхъ ученыхъ. Съ этого времени онъ былъ принятъ въ ихъ среду, и сталъ бывать у ученыхъ профессоровъ уже не въ качествѣ студента, а въ качествѣ болѣе молодого товарища.

Въ слѣдующемъ году А. Н. совершилъ вторую поѣздку по Симбирской и Нижегородской губерніямъ, гдѣ производилъ геоботаническія изслѣдованія подъ руководствомъ проф. В. В. Докучаева. Поѣздка эта дала А. Н. обильные матеріалы, которые онъ использовалъ отчасти въ его отчетахъ Географическому Обществу, отчасти въ большой работѣ, написанной имъ на золотую медаль—«О зависимости между почвою и растительностью въ Юго-Восточной Россіи», — въ слѣдующую зиму.

¹⁾ «Труды Спб. Общества Естествоиспытателей», 1886 г.

²⁾ «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ», подъ редакціею А. Софѣтова и В. Докучаева, вып. 2 и 3, 1886 и 1887 гг.

Интересна была въ этой поѣздкѣ встрѣча А. Н. съ крестьяниномъ Сергѣемъ Новожиловымъ, не оставшаяся безъ вліянія на жизнь ихъ обоихъ впослѣдствіи. Увлеченный талантливостью и способностью русскаго простолюдина, А. Н. занялся образованіемъ Новожилова, не покидая его изъ вида и впослѣдствіи. Когда А. Н. переѣхалъ въ Харьковъ, онъ выписалъ Новожилова туда, устроилъ его при географическомъ кабинетѣ, обучилъ фотографіи. Новожиловъ дѣлалъ много снимковъ для научныхъ работъ А. Н. Сына же Новожилова А. Н. воспитывалъ въ своей семьѣ и довелъ до высшаго учебнаго заведенія.

Въ 1885 году А. Н., только-что окончившій курсъ университета, совершилъ большую экскурсію въ Калмыцкія степи, — частью одинъ, частью въ качествѣ помощника профессора горнаго института И. В. Мушкетова. Цѣлью его изслѣдованій на этотъ разъ было «показать зависимость, существующую между почвами и растительностью Калмыцкихъ степей, отыскать связь между областями различной древности, ихъ почвами и флорою, и ближе познакомиться съ составомъ и свойствами травъ, встрѣчающихся на сыпучихъ пескахъ Каспійскаго побережья, дабы указать между ними формы, годныя для закрѣпленія бархановъ»¹⁾. Какъ видно изъ этихъ словъ, у него теорія шла объ руку съ практикой, и высшія научныя соображенія немедленно проводились въ жизнь. Это была самая характерная черта А. Н. Онъ никогда не вырождался въ тотъ типъ кабинетнаго ученаго, какимъ обыкновенно представляютъ у насъ людей науки. Онъ широко охватывалъ предметъ, деревья никогда не заслоняли у него лѣса; будучи въ то время только ботаникомъ по специальности, онъ интересовался во время своего путешествія также и всякими другими явленіями. Поэтому и въ отчетѣ, читанномъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, А. Н. далъ характеристику степей Астраханской губерніи не только въ отношеніи почвы и растительности, но и фауны и населенія. За этотъ отчетъ Географическое Общество избрало его въ свои дѣйствительные члены.

Свои впечатлѣнія отъ поѣздки по этому, въ то время еще дикому и пустынному, краю А. Н. очень живо и картинно рассказывалъ въ частныхъ кружкахъ — между прочимъ на воскресныхъ вечерахъ въ редакціи «Недѣли». Это дало мысль П. А. Гайдебурову пригласить А. Н. описать свои впечатлѣнія въ

¹⁾ Геоботаническія изслѣдованія въ калмыцкихъ степяхъ. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXII.

очеркахъ для «Книжекъ Недѣли». Такъ началось въ этомъ журналѣ печатаніе путевыхъ впечатлѣній А. Н. Онъ дѣлился и впослѣдствіи на страницахъ того же журнала своими путевыми впечатлѣніями—вплоть до самаго прекращенія изданія «Недѣли». Въ названномъ журналѣ напечатаны, какъ его первыя впечатлѣнія отъ поѣздокъ по Россіи и въ Западной Европѣ, такъ и описанія его большихъ путешествій по Азіи. Путевые очерки А. Н. по своей живости, яркости красокъ, сразу обратили вниманіе читающей публики на молодого ученаго.

Зиму 1885-86 годовъ А. Н. оставался въ Петроградѣ, гдѣ готовился къ магистерскому экзамену, заканчивалъ разборку и систематизацію собранныхъ имъ коллекцій, хранящихся и донынѣ въ Университетѣ и Ботаническомъ саду и подготавливался къ новому большому путешествію въ Тяньшанскія горы, составившему цѣлую эпоху въ его научной дѣятельности.

Путешествіе это было снаряжено Императорскомъ Географическимъ Обществомъ и имѣло спеціальною задачею изслѣдованіе ледниковъ группы Ханъ-Тенгри. А. Н. былъ прикомандированъ къ экспедиціи, какъ ботаникъ, для изученія флоры высокихъ нагорій этой группы. Однако, съ согласія Общества, А. Н. расширилъ свою задачу и изучилъ также предгорія Заилійскаго Алатау и долину рѣки Или между китайскою границею и берегами озера Балхаша.

А. Н. выѣхалъ изъ Петрограда уже въ мартѣ 1886 г. и прибылъ въ Вѣрный 25 марта. Отсюда онъ выѣхалъ дальше, снабженный необходимыми со стороны мѣстной администраціи предписаніями, въ сопровожденіи двухъ джигитовъ и казака. Верхомъ на лошади, имѣя сзади пару наемныхъ верблюдовъ, А. Н. совершалъ изслѣдованіе дотолѣ совершенно неизвѣстной въ естественно-историческомъ отношеніи Области Сыртовъ; онъ прошелъ путемъ Пржевальскаго извѣстный, по описаніямъ этого путешественника, перевалъ Бедель и посѣтилъ городъ Учъ-Турфанъ въ Кашгаріи.

Изслѣдованія свои А. Н. производилъ съ упорствомъ и неутомимостью. Такъ, изслѣдуя флору въ долинѣ рѣки Текеса, А. Н. потерялъ въ потокѣ рѣки Агіаза (притока Текеса) свою лошадь и не пошелъ дальше только за полнымъ отсутствіемъ проводниковъ, такъ какъ среди пограничныхъ русскихъ поселенъ совершенно не оказалось людей, знакомыхъ съ этой мѣстностью. Не желая тратить время на представленія китайскимъ властямъ въ городѣ Учъ-Турфанѣ, А. Н. прожилъ въ немъ подъ видомъ доктора. Изъ Учъ-Турфана А. Н. вернулся черезъ перевалы Заук-

шелъ, черезъ Караколь и проходы Койсу и Алматинскую щель, слѣдвалъ путь въ 3.700 верстъ, цѣлыми днями не слѣзая съ лошади. При этомъ онъ везъ съ собою гербарій, содержавшій около 8.000 растений, собранныхъ несмотря на самыя неблагопріятныя условія. Слѣдуетъ добавить, что экскурсію эту А. Н. совершилъ на самыя ограниченныя средства.

Выполняя свою научную задачу, А. Н., вѣрный своему привычному сердцу, не забывалъ и человѣческихъ отношеній. Во время путешествія онъ завязалъ массу знакомствъ во всевозможныхъ кругахъ общества. Между прочимъ, онъ встрѣтился въ степи съ однимъ молодымъ киргизомъ, нѣкимъ Сыртановымъ, и такъ увлекъ его своими разсказами, что Сыртансъ поѣхалъ въ Петроградъ получать университетское образованіе. Въ Петроградѣ они были нѣкоторое время дружны, и А. Н. ввелъ его въ нѣкоторые профессорскіе дома.

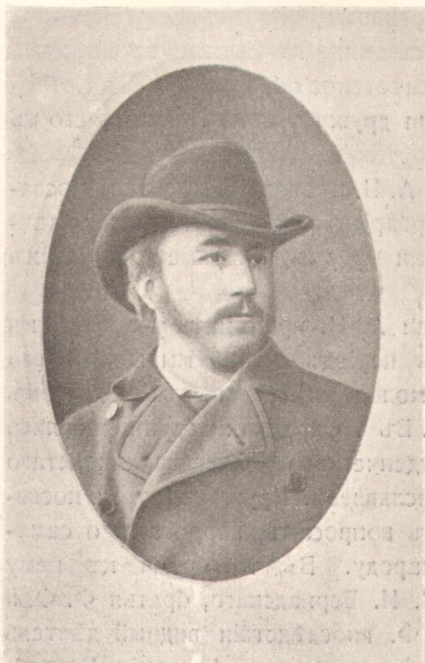
Вернувшись въ Петроградъ, А. Н. нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ разборкѣ привезенныхъ гербаріевъ, среди которыхъ оказалось немало новыхъ видовъ или формъ, впервые открытыхъ А. Н. на Тянь-Шанѣ.

Научныя занятія не мѣшали А. Н. принимать участіе и въ общественной жизни. Въ этотъ періодъ жизни мы видимъ его въ средѣ тогдашней передовой молодежи, вмѣстѣ съ его другомъ по гимназіи В. И. Вернадскимъ. Въ то время они группировались около научно-литературнаго студенческаго общества, закрытаго впоследствии при ректорѣ Владиславлевѣ. Кружокъ этотъ посвящалъ много времени этическимъ вопросамъ, вопросамъ о саморазвитіи и объ отношеніи къ народу. Въ то время къ нему принадлежали, кромѣ А. Н. и В. И. Вернадскаго, братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги (старшій Ф. Ф. впоследствии видный дѣятель по народному образованію, С. Ф.—секретарь Академіи Наукъ), С. Э. Крыжановскій (впоследствии государственный секретарь), кн. Д. И. Шаховской (земскій дѣятель), К. А. Агафоновъ (литераторъ), С. А. Храповицкій и друг. Посѣщалъ А. Н. также и кружокъ, собиравшійся вокругъ г-жи Калмыковой, изъ котораго впоследствии возникло книгоиздательство „Посредникъ“, съ опредѣленнымъ народническимъ направленіемъ.

Сдавъ зимою 1887 года магистерскій экзаменъ, весной того же года А. Н. отправился въ заграничную командировку отъ университета въ Западную Европу для закончанія своего научнаго образованія.

III.

Свою заграничную командировку А. Н. началъ съ путешествія по Европѣ. Необходимо сказать, что въ тѣ времена пособія оставленнымъ при университетѣ выдавались вообще довольно скудно. Своихъ же средствъ у А. Н. не было. Поэтому путешествіе приходилось совершать на очень скромныхъ началахъ, между тѣмъ, молодому ученому хотѣлось видѣть собственными

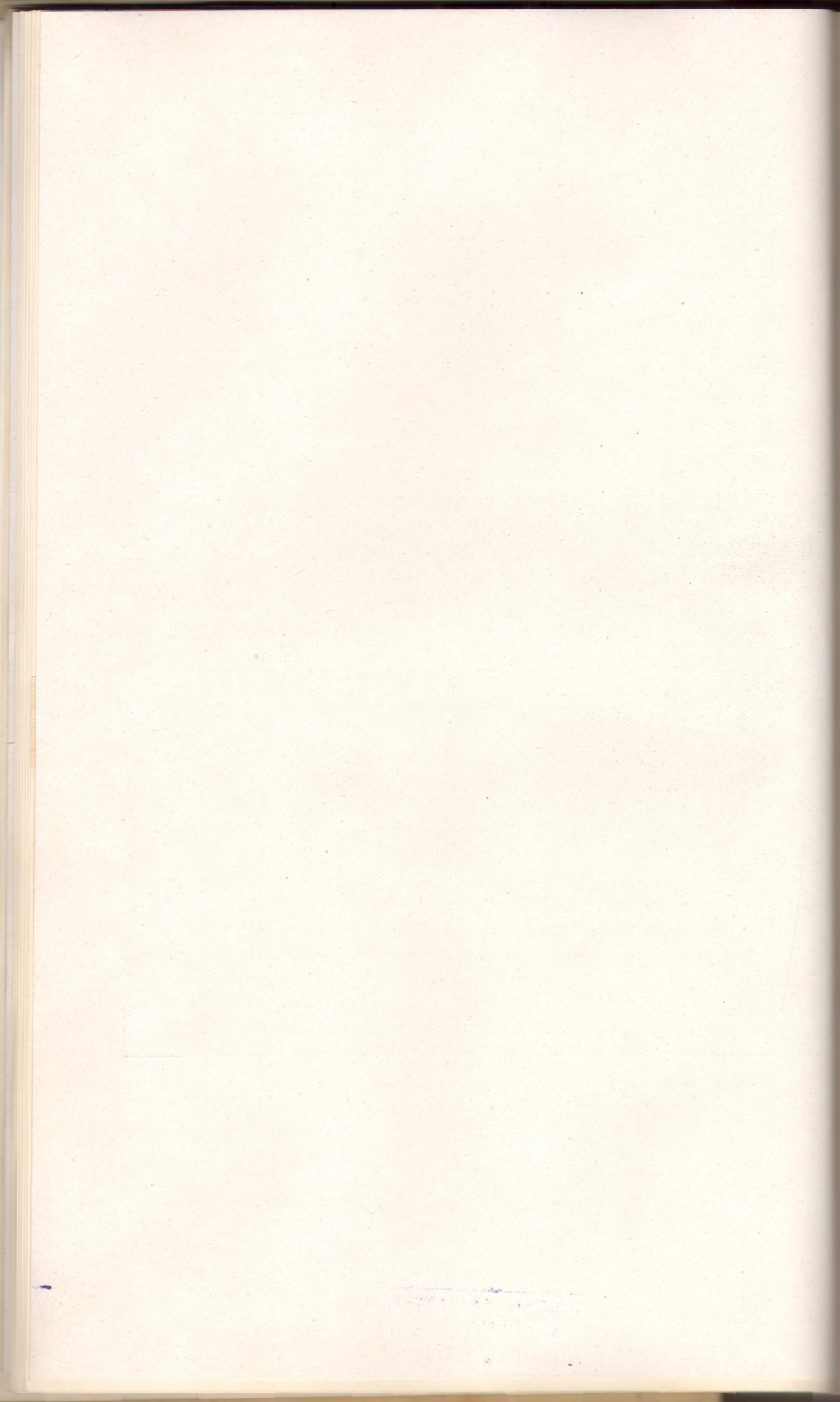

Портретъ А. Н. Краснова, относящійся къ дохарьковскому періоду его жизни.

лазами очень многое. Поэтому А. Н. выѣхалъ въ 3 классѣ и такъ доѣхалъ до Швейцаріи, гдѣ нѣкоторое время занимался у Шретера въ Цюрихѣ флорой альпійскихъ ледниковъ. Оттуда онъ направился частью пѣшкомъ, частью по желѣзной дорогѣ, изучать въ жизни то, съ чѣмъ уже познакомился въ кабинетахъ. Благодаря общительности характера и основательному знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ, А. Н. сразу удалось увидѣть очень многое. Нѣсколько разъ онъ присоединялся къ группамъ швейцарскихъ студентовъ, путешествовавшихъ со своими профессорами, и, можно сказать, исходилъ всю Швейцарію; тѣмъ болѣе, что А. Н. не жалѣлъ своихъ силъ и однажды даже заболѣлъ отъ переутомленія, послѣ большихъ переходовъ по горамъ, и долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть въ гостиницѣ. Природа Швейцаріи произвела сильное впечатлѣніе на А. Н. своей красотой, хотя онъ все время сравнивалъ ее съ видѣнными уже имъ не менѣе величественными, и болѣе дикими красотами Алтая и Тянь-Шаня. Но, будучи въ Швейцаріи только туристомъ, А. Н. очень сожалѣлъ, что не могъ познакомиться съ ея

Проф. А. Н. Красновъ—директоръ Батумскаго сада.

народомъ—толпа туристовъ заслоняла народъ, и Швейцарія въ общемъ произвела на А. Н. впечатлѣніе исполинскаго отеля.

Изъ Швейцаріи А. Н. спустился въ Италію. Въ первыхъ письмахъ его изъ этой страны звучитъ досада на незнакомство съ итальянскимъ языкомъ. Однако, лингвистическія способности А. Н. были такъ велики, что, спустя нѣсколько дней, онъ уже путешествуетъ по Италіи частью пѣшкомъ, частью въ 3 классѣ, въ обществѣ итальянскихъ солдатъ и просто народа, съ которыми свободно объясняется, при чемъ его принимаютъ за француза. Проѣхавъ всю Италію, съ сѣвера на югъ, А. Н. остановился на болѣе продолжительное время въ Неаполѣ, гдѣ занимался на морской зоологической станціи.

Къ осени А. Н. черезъ Венецію и Вѣну пріѣхалъ въ Бреславль, гдѣ долженъ былъ слушать лекціи у мѣстныхъ ботаническихъ знаменитостей, Кона и Энглера.

Оба ученые очень радушно приняли своего русскаго коллегу—пригласили бывать у себя дома. Жизнь въ Бреславлѣ пошла очень тихо и однообразно. Большую часть дня А. Н. посвящаетъ своей диссертациі, начатой еще въ Петроградѣ, отсылая написанныя главы для печатанія въ типографію Академіи Наукъ. Тамъ печатались въ то время «Записки Русскаго Географическаго Общества», одинъ изъ томовъ которыхъ составила диссертациія А. Н. Любознательность А. Н., конечно, привлекла его къ участию и въ студенческихъ коммерсахъ и въ засѣданіяхъ Бреславскаго Общества Любителей Естествознанія. Хотя А. Н. принимали вездѣ радушно, но въ общемъ нѣмецкій складъ жизни былъ ему не по душѣ. Онъ очень скоро затосковалъ по Россіи, и писалъ, что если бы не случайная встрѣча съ русскимъ ученымъ, К. Д. Хрущовымъ, онъ бы пропалъ съ тоски. К. Д. Хрущовъ—талантливый петрографъ, много путешествовавшій по Мексикѣ, совершившій цѣлый рядъ цѣнныхъ научныхъ открытій, по свойственной многимъ русскимъ безалаберности, застрѣлъ въ Германіи, женился на нѣмкѣ и настолько палъ духомъ, что не помышлялъ даже вернуться въ Россію. Знакомство съ А. Н. пробудило его энергію; они говорили по разнымъ вопросамъ цѣлыми днями, и въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ своего молодого друга, К. Д. Хрущовъ вернулся въ Россію, гдѣ впослѣдствіи съ честью занималъ кафедру въ медико-хирургической академіи въ Петроградѣ.

Тѣмъ не менѣе, тоска А. Н. была настолько сильна, что родные и очень расположенный къ нему проф. А. Н. Бекетовъ

рѣшили выписать его въ Россію на рождественскія каникулы, чтобы пріободрить его отъ нѣмецкихъ впечатлѣній.

Поѣздка въ Петроградъ очень освѣжила А. Н. Онъ повидался съ своими друзьями и товарищами, привезъ для напечатанія въ «Книжкахъ Недѣли» нѣсколько статей о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, подвинулъ печатаніе своей диссертациі и въ январѣ мѣсяцѣ снова поѣхалъ въ Бреславль.

Статьи А. Н. въ «Книжкахъ Недѣли» заслуживаютъ особаго вниманія. Казалось бы, что интереснаго можно сообщить о германскихъ и итальянскихъ городахъ, о природѣ Испаніи, которая въ Россіи знакома лучше, чѣмъ сама родина. Но А. Н. смотритъ на жизнь и природу Западной Европы съ совершенно особой точки зрѣнія. Онъ сравниваетъ ее съ жизнью азіатскихъ пустынь и китайскихъ окраинъ и приходитъ къ совершенно неожиданнымъ параллелямъ. При всемъ томъ статьи эти написаны ярко, образно, живо и необыкновенно объективно. Достоинство отмѣтить, что статьи эти не даютъ почти никакого матеріала для біографическихъ данныхъ—въ противоположность большинству описаній поѣздокъ другихъ авторовъ, преимущественно говорящихъ о себѣ.

Второе пребываніе въ Западной Европѣ переносилось уже гораздо легче. Теперь А. Н. страдалъ только отъ недостатка денегъ, и отъ медленности печатанія диссертациі въ типографіи Академіи Наукъ. Въ Бреславлѣ онъ собрался прочесть сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ о своихъ путешествіяхъ по Азіи и изложилъ свою теорію происхожденія лесса¹⁾. Лекція его имѣла большой успѣхъ среди слушателей, и уваженіе къ нему со стороны нѣмецкихъ ученыхъ очень выросло. Когда А. Н. весною, совершивъ прогулку по Исполинскимъ горамъ—тоже частью пѣшкомъ—отправился въ Берлинъ къ знаменитому тогда профессору географіи Рихтгофену, бреславльскіе ученые дали ему свои рекомендательныя письма. И въ Берлинѣ А. Н. былъ принятъ не какъ ученикъ, но какъ товарищъ, уже заявившій себя учеными трудами. Онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Берлинскаго Географическаго общества (*Gesellschaft für Erdkunde*), въ которомъ читалъ съ большимъ успѣхомъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Тянь-Шаню. Эти ученые мемуары были тогда же напечатаны въ нѣмецкихъ изданіяхъ и положили основаніе извѣстности А. Н. за границей, гдѣ его знали и цѣнили въ ученыхъ кругахъ до послѣдняго времени.

¹⁾ Versuch einer Entwicklungsgechichte der Flora der hochalpinen Gebiete in Thian-Schan. Schlesisches Verein für vaterländische Kultur. 1887.

Изъ Берлина А. Н. отправился въ Галле къ Кирхгофу. Пребываніе въ Галле въ ученомъ нѣмецкомъ обществѣ оставило наиболѣе пріятныя впечатлѣнія на А. Н. Онъ писалъ, что тѣ непріятныя впечатлѣнія, какія онъ переживалъ раньше, окончательно изгладились подъ вліяніемъ пребыванія въ Галле и работы совмѣстно съ Кирхгофомъ.

Изъ Галле А. Н. отправился въ Парижъ, гдѣ изучалъ флору ледниковыхъ областей Альпъ подъ руководствомъ Реневье. Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ многихъ своихъ петроградскихъ друзей— между прочимъ, Ф. Д. Батюшкова (впослѣдствіи редактора «Мира Божія»), В. И. Вернадскаго и другихъ. И здѣсь онъ читалъ сообщеніе въ Парижскомъ Географическомъ обществѣ¹⁾. Отправившись отсюда въ Испанію, онъ не ограничился посѣщеніемъ страны въ качествѣ туриста, но экскурсировалъ по ней, какъ натуралистъ и познакомился съ испанскими учеными.

Заграничная поѣздка завершилась посѣщеніемъ А. Н. Лондонскаго конгресса геологовъ. А. Н. участвовалъ во всѣхъ экскурсіяхъ и торжествахъ, устраивавшихся англичанами по этому случаю, и когда приходилось отвѣчать на привѣтствія по адресу русской, венгерской и балканской группъ, то всѣ выступленія приходилось ему принимать на себя, такъ какъ изо всѣхъ членовъ онъ наилучше владѣлъ иностранными языками.

Къ концу 1888 года А. Н. вернулся въ Петроградъ и сталъ энергично торопить печатаніе своей диссертациі. Къ концу года она вышла въ свѣтъ, а въ слѣдующемъ 1889 году 18-го марта состоялась и защита этой диссертациі въ Петроградскомъ университетѣ.

IV.

«Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня»—одна изъ выдающихся ученыхъ работъ А. Н. Написана она, какъ результатъ его поѣздки, и потому значительная часть ея описательная. Въ книгѣ А. Н. дается климатологическій и гидрографическій очеркъ Тянь-Шаня; очень подробно описаны открытые А. Н. ледники въ горной группѣ Хань-Тенгри, и, наконецъ, въ ней впервые дано подробное описаніе растительныхъ формаций южной части восточнаго Тянь-Шаня и списки растеній, встрѣчающихся въ этой мѣстности.

Эта часть работы, по мнѣнію высказанному проф. Гоби, однимъ изъ официальныхъ опонентовъ на диспутѣ, пред-

¹⁾ Comptes Rendus d'un voyage en Asie. Journal de la Société de Géographie de Paris. 1888.

ставляетъ нѣчто аналогичное съ классическимъ трудомъ швейцарскаго ботаника Криста объ альпійской флорѣ. Главы о путешествіяхъ на Тянь-Шань, начиная съ китайскаго путешествія Юэнь-дзяня въ VII вѣкѣ, и глава, трактующая о вліяніи человѣка на мѣстную флору, заключаютъ въ себѣ очень много новыхъ любопытныхъ свѣдѣній. И вообще въ книгѣ разсѣяны въ изобиліи наблюденія и факты, представляющіе большой научный интересъ. Особое вниманіе въ свое время привлекли къ себѣ страницы, трактующія о происхожденіи лесса, и глава, посвященная вопросу объ эволюціи рода *Atraphaxis* въ связи съ усыханіемъ Тянь-Шаня.

Вся книга проникнута широкимъ научнымъ духомъ. Изучая развитіе флоры Тянь-Шаня, А. Н. исходилъ изъ впервые формулированнаго у насъ въ ясной отчетливой формѣ воззрѣнія, что существующая флора каждой страны является сочетаніемъ трехъ составныхъ частей растений, оставшихся отъ древней флоры, въ цѣломъ уже исчезнувшей съ лица земли и господствовавшей на ней въ прежнее время, изъ растений древней флоры, измѣнившихся и приспособившихся къ новымъ условіямъ, и изъ растений пришлыхъ изъ сосѣднихъ областей. Разлагая флору любой мѣстности на ея составные элементы и изучая современныя ея развитію измѣненія геологическаго характера, легко замѣтить и даже установить характеръ связи, существующей между явленіями изъ жизни флоры и измѣненіями въ неорганическомъ мірѣ, и начертить исторію развитія флоры. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ методъ изученія растительности позволяетъ освѣтить вопросъ о происхожденіи новыхъ видовъ.

Диспутъ состоялся въ ясный теплый весенній день въ воскресенье, 18-го марта. Объ этомъ диспутѣ сохранилось прекрасное описаніе, сдѣланное покойнымъ редакторомъ «Недѣли» П. А. Гайдебуровымъ («Недѣля». 1889 г. № 13), которое и приводимъ въ выдержкахъ.

«Послѣ чтенія curriculum vitae на кафедрѣ взошелъ диспутантъ. Несмотря на полученныя имъ двѣ золотыя медали (въ гимназіи и университетѣ), это совсѣмъ еще свѣжій молодой человѣкъ, съ лицомъ здоровымъ и энергичнымъ, съ увѣренностью во взглядѣ и движеніяхъ. При всей видимой скромности и сдержанности, ото всей его фигуры вѣетъ чѣмъ-то бодрымъ, смѣлымъ и вмѣстѣ пріятельнымъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе на значеніе изслѣдованій въ странахъ съ неособенно роскошною природою. Изученіе тропическихъ странъ навело Дарвина и Уоллеса на открытіе естественнаго

выбора и борьбы за существованіе; изслѣдованія, въ особенности ботаническія, странъ пустынныхъ могутъ повлечь за собою открытіе другихъ факторовъ въ дѣлѣ происхожденія видовъ. Особенно благотворными въ этомъ отношеніи должны оказаться, по мнѣнію диспутанта, изслѣдованія Центральной Азіи; обратитъ вниманіе на эту еще мало извѣстную въ научномъ отношеніи страну и было цѣлью его работы».

«Первымъ возражалъ А. Н. Бекетовъ. Многимъ въ публикѣ было извѣстно, что г. Красновъ—любимый ученикъ маститаго профессора, и такъ какъ самъ профессоръ зналъ, что это не секретъ, то онъ, видимо, хотѣлъ показать свое безпристрастіе въ отношеніи къ диспутанту, и перешелъ черезъ край:—перебезпристрастилъ. Онъ не только не выдвинулъ ни одного крупнаго достоинства диссертациі, но даже обычные въ подобныхъ случаяхъ поощрительные комплименты какъ-то скомкалъ и проглотилъ, а о мелкихъ недостаткахъ отозвался рѣзко и даже какъ-будто съ раздраженіемъ. Впослѣдствіе стало извѣстно, что г. Бекетовъ сильно волновался за своего любимца въ предвидѣніи возраженій со стороны другихъ оппонентовъ, но хотя таковыхъ оказалось, дѣйствительно, очень много,—г. Бекетовъ напрасно волновался: ученикъ не сконфузилъ своего учителя и выказалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ». Послѣ проф. Бекетова возражалъ проф. Гоби. Его возраженія касались главнымъ образомъ различныхъ мелкихъ дефектовъ. Затѣмъ послѣдовала «дѣлая рать неофициальныхъ оппонентовъ. Работа г. Краснова, хотя написанная на степень магистра ботаники, касается многихъ вопросовъ и по другимъ отраслямъ науки. Проф. Иностранцевъ вступилъ съ диспутантомъ въ продолжительное пререканіе по вопросу о происхожденіи лесса; проф. Войейковъ, въ качествѣ метеоролога, завелъ рѣчь о климатѣ Тянь-Шаня, о направленіи вѣтровъ въ Азіи въ доисторическія времена—рѣчь настолько длинную и специальную, что одинъ изъ профессоровъ не выдержалъ и напомнилъ оппоненту, что диспутъ происходитъ по предмету ботаники, а не метеорологіи. Затѣмъ возражали диспутанту проф. Петри въ качествѣ географа, проф. Костычевъ въ качествѣ агронома, проф. Вагнеръ въ качествѣ зоолога. Присутствовавшее на диспутѣ одно духовное лицо не безъ остроумія замѣтило по этому поводу: «Ну, я подожду еще, чтобы возразилъ Менделѣевъ, какъ химикъ, а тамъ уже попробую и я, какъ священникъ». До этого, однако, не дошло, и диспутъ закончился нѣсколькими порядами словами проф. Докучаева. Онъ очень кстати напомнилъ, что въ теченіе диспута, длившагося около четырехъ часовъ, не

было сказано ничего о самомъ главномъ—о существѣ работы г. Краснова, заключающей въ себѣ столько разностороннихъ матеріаловъ и цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Работа диспутанта представляетъ изъ себя не только замѣчательную цѣнность въ ботаническомъ, географическомъ, почвенномъ и другихъ отношеніяхъ, но въ ней заключается столько новыхъ открытій и притомъ сообщенныхъ въ качествѣ не голыхъ фактовъ, а обработанныхъ научно, какъ въ рѣдкой работѣ. Въ качествѣ «почвенника» проф. Докучаевъ отмѣтилъ открытый г. Красновымъ фактъ нахожденія чернозема на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня, т. е. тамъ, гдѣ, по выраженію профессора, онъ даже и не снился нашимъ ученымъ. Послѣ рѣчи профессора Докучаева, встрѣченной аплодисментами, деканъ факультета проф. Совѣтовъ провозгласилъ г. Краснова магистромъ ботаники, и многочисленные оппоненты молодого ученаго первые привѣтствовали его обычными лобзаніями.

На этомъ диспутѣ намѣтились друзья и недруги А. Н., сохранившіе свое отношеніе къ нему и на всю слѣдующую жизнь. Одни ученые и въ послѣдующихъ работахъ его не видѣли ничего, кромѣ опечатокъ и неточныхъ цитатъ. Напротивъ, другіе, какъ В. В. Докучаевъ, И. В. Мушкетовъ, А. Н. Бекетовъ и пр. цѣнили широкое научное міровоззрѣніе и яркую научную фантазію А. Н. Въ ближайшемъ засѣданіи совѣта университета А. Н. Бекетовъ поднялъ вопросъ о награжденіи диспутанта ученою степенью доктора, въ виду исключительно выдающихся достоинствъ диссертациі. Предложеніе это, однако, было отклонено преимущественно голосами математиковъ, находившихъ, что не слѣдуетъ создавать прецедента, хотя дѣйствовавшій тогда университетскій уставъ и давалъ такое право (впослѣдствіи такой прецедентъ былъ созданъ).

Кратковременный ученый триумфъ, чествованіе молодого магистра многочисленными его почитателями,—а затѣмъ передъ А. Н. всталъ вопросъ объ устройствѣ своего будущаго въ матеріальномъ отношеніи.

Въ это время въ русскихъ университетахъ создавались на физико-математическихъ факультетахъ новыя кафедры географіи, науки, которая до тѣхъ поръ въ русскихъ университетахъ не читалась, и вообще въ Россіи почти не существовала. До сихъ поръ А. Н. работалъ преимущественно въ области ботаники. Но его разностороннее развитіе, многочисленные путешествія, подготовка у П. П. Семенова въ Россіи, Рихтгофена и Кирхгофа въ Германіи—дѣлали для него возможнымъ и занятіе кафедры

географіи. А. Н. Бекетовъ еще во время поѣздки А. Н. въ Западную Европу въ письмахъ совѣтовалъ ему рѣшиться на этотъ шагъ и заранѣе подготовиться для этой цѣли. Послѣ защиты диссертациі въ Петроградѣ выяснилось, что ни на университетскую кафедру по ботаникѣ, ни на должность директора ботаническаго сада, которая дала бы возможность независимо работать по этой спеціальности, А. Н. нельзя было рассчитывать въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Съ другой стороны, и кафедры географіи въ столичныхъ университетахъ были уже заняты. Поэтому А. Н. приходилось принять кафедру географіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ,—несмотря на то, что такое рѣшеніе нѣсколько измѣняло его прежнюю спеціальность, а усиленная подготовка къ новой кафедрѣ требовала и отсрочки въ чисто научныхъ работахъ, и что въ то время въ провинціи положеніе ученыхъ и профессоровъ, въ частности, было недостаточно благопріятно. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній между Казанью и Харьковомъ, А. Н. принялъ предложеніе занять кафедру географіи въ Харьковѣ, и съ осени 1889 года переселился въ этотъ городъ.

V.

16-го сентября 1889 года А. Н. прочелъ свою вступительную лекцію въ Харьковскомъ университетѣ. Въ ней дана яркая характеристика географіи, какъ она понималась въ прежнее время, и какъ стала она пониматься учеными географіи съ конца XIX вѣка. Въ заключеніе молодой профессоръ выражалъ надежду, что, такъ какъ географія, какъ наука, возникаетъ одновременно на Западѣ и въ Россіи, то русскіе ученые не будутъ въ ней, какъ въ другихъ наукахъ, только учениками и продолжателями западно-европейскихъ ученыхъ, но будутъ и видными ея дѣятелями. «Наука эта, говоритъ А. Н., широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соотвѣтствуетъ намъ русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами¹⁾».

Въ Харьковѣ А. Н. провелъ 23 года — самые дѣятельные годы своей жизни, провелъ ихъ въ неустанной культурной и

¹⁾ «Географія какъ новая университетская наука». Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1889 г.

научной работѣ. Сразу же послѣ своего приѣзда ему пришлось создавать свой курсъ, создавать научныя пособия къ нему, географическій кабинетъ, географическую библіотеку, такъ какъ ничего этого въ Харьковѣ не было. Мало того, — желая отводить въ создаваемомъ ихъ курсѣ землевѣдѣнію болѣе значительное мѣсто Россіи, онъ долженъ былъ продолжать ея изслѣдованіе самъ, такъ какъ научная литература о Россіи давала большіе пробѣлы. Наконецъ, изъ желанія говорить въ своемъ курсѣ преимущественно о томъ, что самъ видѣлъ, а не по книжкамъ,

А. Н. Красновъ въ первый періодъ его харьковской дѣятельности.

А. Н. искалъ случая совершать поѣздки по чужимъ странамъ. Такимъ образомъ, годы, проведенные имъ въ Харьковѣ, были въ то же время годами путешествій.

Уже въ 1890 году А. Н. весной совершаетъ свою первую поѣздку со студентами на Кавказъ (въ Сванетію). Въ тѣ времена въ Россіи это было новостью. Профессора читали только въ кабинетахъ, и А. Н. положилъ основаніе новому приему—чтенія среди природы. Для поѣздки своей ему лично пришлось хлопотать и о льготномъ проѣздѣ у желѣзныхъ дорогъ (въ тѣ времена экскурсіоннаго тарифа еще не существовало), и о посо-

біи въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія. Лѣтомъ того же года А. Н. былъ командированъ въ Вашингтонъ на геологическій конгрессъ, на которомъ онъ читалъ сообщеніе о происхожденіи степей, напечатанное на англійскомъ языкѣ въ трудахъ этого конгресса¹⁾. Воспользовавшись поѣздкой въ Америку, А. Н. проѣхалъ черезъ сѣверо-американскія преріи, къ Соленому озеру, посѣтилъ Йеллустонскій паркъ и Ніагару. Во время поѣздки А. Н. собралъ также обширную англійскую литературу объ американскихъ степяхъ, которою воспользовался впослѣдствіи для своей докторской диссертации.

¹⁾ The black earth of the steppes of southern Russia (Bull. Geolog. Soc. Am. Vol. 3, 1891).

Въ слѣдующемъ году, помимо своей поѣздки на Кавказъ съ студентами, А. Н. все лѣто экскурсировалъ по Полтавской и Харьковской губерніямъ, собирая матеріалы для ряда работъ по флорѣ и вообще природѣ этихъ губерній. Особенно выдѣляется его работа «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губерніи», изданная въ Харьковѣ въ 1893 году.

Въ 1892 г. А. Н. совершаетъ большое путешествіе вокругъ всей Азіи. Выѣхавъ на пароходѣ Добровольнаго флота изъ Одессы, онъ посѣтилъ Яву, Японію, Сахалинъ и Приморскую область и вернулся обратно. Путешествіе это описано въ его очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» за 1893 годъ, вышедшихъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «По островамъ Далекаго Востока» въ 1896 году. Спустя всего три года, А. Н. беретъ порученіе Удѣльнаго вѣдомства обслѣдовать субтропическія культуры, а главнымъ образомъ культуры чая, которыми вѣдомство предполагало заняться въ Батумской губ. Въ составѣ экспедиціи съ участниками И. Н. Клингенонъ и г. Симонсономъ, которымъ впослѣдствіи было поручено устроить и завѣдывать самыми чайными плантаціями въ Батумской области,—А. Н. объѣхалъ Цейлонъ, южные склоны Гималаевъ, Китай и Японію. Вернулся онъ на родину черезъ Сандвичевы острова и Мексику. Это путешествіе также описано въ очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» и вышедшихъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Изъ колыбели цивилизаціи» въ 1898 г. Здѣсь мы имѣемъ первое популярное описаніе культурной Японіи, которую до тѣхъ поръ русскіе знали только по путешествію Гончарова «Фрегатъ Паллада». Научно-культурные результаты этого путешествія даны въ большомъ двухтомномъ сочиненіи: «Чайные округа», изданнымъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1897 г. Въ этомъ сочиненіи дано описаніе тѣхъ культурныхъ растений, которыя можно съ успѣхомъ разводить въ нашей Батумской области. Нѣкоторыя изъ нихъ тамъ уже и разводятся.

Въ промежутки между этими путешествіями А. Н. успѣлъ написать и защитить въ 1894 г. въ Московскомъ Университетѣ свою диссертацию, написанную на степень доктора географіи — «Травяныя степи Сѣвернаго полушарія»¹⁾. Защита докторской диссертациі дала А. Н. возможность получить званіе ординарнаго профессора въ 1894 году.

Путешествіе въ составѣ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства было послѣднимъ большимъ путешествіемъ А. Н. Послѣ этого

¹⁾ Изв. Имп. Общ. Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ. Т. LXXXIII.

онъ ѣздилъ почти каждый годъ куда-либо,—такъ, онъ побывалъ еще разъ въ Италіи, съѣздилъ въ Турцію (Константинополь, Принцевы острова, побережье Малой Азіи), въ Египетъ, въ Норвегію, которую обогнулъ черезъ Сѣверное море, и побывалъ на Бѣломъ морѣ. Очень часто совершалъ А. Н. поѣздки на Кавказъ, который объѣхалъ верхомъ, обошелъ пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ отъ Баку до Батума и отъ Владикавказа до Карса, а также и по всему Черноморскому побережью и многократно описывалъ его въ научныхъ очеркахъ («Нагорная флора Сванетіи и особенности ея группировки и пр.» Изв. Имп. Русскаго Геогр. Общ., т. XXVII; «Кавказскія цѣпи горъ, параллельныя главному хребту и ихъ роль въ группировкѣ лѣсной и степной флоры Западнаго Кавказа», Труды Общ. Испыт. Природы при Харьк. Univ., т. XXVII; «Матеріалы для знакомства съ грязевыми вулканами восточнаго Закавказья», Труды Общ. Испытателей Природы при Харьков. Univ., т. XXXIV и многіе другіе), и въ популярныхъ фельетонахъ въ «Недѣлкѣ» и въ «Южномъ Краѣ». Но всѣ эти экскурсіи занимали уже не болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Зиму же А. Н. неизмѣнно проводилъ въ Харьковѣ, наѣзжая лишь по дѣламъ и для посѣщенія родныхъ въ Петроградъ.

Въ Харьковѣ А. Н., благодаря своему общительному характеру, очень скоро сошелся со всѣми представителями мѣстной интеллигенціи. Онъ былъ друженъ съ семействомъ профессоровъ Шимкова, Д. И. Багалѣя, съ представителями судебного и педагогическаго міра. Харьковская интеллигенція привлекла А. Н. къ общественной дѣятельности. Въ первые же годы своего пребыванія онъ былъ приглашенъ къ завѣдованію Харьковскимъ «Университетскимъ» садомъ. Садъ этотъ, занимающій обширный участокъ города, находился въ пренебреженіи и даже гулять по нему вечеромъ было небезопасно. А. Н. старался придать ему характеръ парка—ботаническаго сада. Характерно, что эта дѣятельность А. Н. была оцѣнена даже низшими слоями населенія, тѣмъ самымъ «раклемъ», для котораго прежній садъ былъ ареною грабительскихъ походовъ. Существуетъ анекдотъ, будто, когда однажды ночью А. Н. проходилъ черезъ этотъ садъ, его самого хотѣли ограбить, но отказались отъ намѣренія, узнавъ въ немъ популярнаго профессора.

Нѣкоторое время А. Н. состоялъ гласнымъ Харьковской городской думы; въ этотъ періодъ онъ былъ избранъ председателемъ городской музейной комиссіи и устроилъ географическій отдѣлъ городского музея. Какъ живой общественный

человѣкъ, А. Н. принималъ близкое участіе въ дѣятельности Харьковскихъ просвѣтительныхъ учреждений. Въ Х. Обществѣ Грамотности онъ состоялъ одно время членомъ правленія, а въ издательскомъ комитетѣ О-ва и товарищемъ предсѣдателя. Имъ было написано большое число статей для изданной Обществомъ «Народной Энциклопедіи» (изд. Сытина).

Но особенно много труда положилъ А. Н. на Курсы для рабочихъ. Онъ былъ первымъ, откликнувшимся на призывъ совѣта курсовъ, вступить въ ряды преподавателей и помочь совѣту курсовъ расширить программу до размѣровъ программы Народнаго Университета. Въ скоромъ времени по вступленіи въ совѣтъ курсовъ, А. Н. былъ назначенъ предсѣдателемъ ихъ и поѣхалъ въ Петроградъ къ тогдашнему министру финансовъ С. Ю. Витте, у котораго выхлопоталъ субсидію въ 25.000 руб. на постройку спеціального зданія для Курсовъ рабочихъ. Онъ же выхлопоталъ и дальнѣйшія субсидіи на это у Харьковскаго городского управленія. Самъ А. Н. читалъ лекціи на курсахъ, устраивалъ библіотеку, снабжалъ коллекціями кабинеты. При этомъ А. Н. держалъ себя очень доступно со своими слушателями, входилъ въ ихъ интересы, а нѣкоторыхъ, болѣе молодыхъ и талантливыхъ, приближалъ къ себѣ и давалъ имъ уже систематическое образованіе. Онъ самъ занимался съ ними подготовкой къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, и давалъ возможность пройти курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, чтобы потомъ вступить работниками уже на интеллигентномъ поприщѣ.

Помимо преподаванія на курсахъ рабочихъ и, конечно, въ университетѣ, А. Н. съ 1899 года былъ приглашенъ читать также курсъ ботаники въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Тамъ онъ устроилъ небольшой ботаническій садъ съ оранжереей, стремясь осуществить свой взглядъ, изложенный имъ въ литературѣ. Наконецъ, нѣкоторое время А. Н. преподавалъ географію въ одной изъ женскихъ гимназій и женскомъ институтѣ въ Харьковѣ.

Кромѣ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, А. Н. очень часто выступалъ, какъ въ Харьковѣ и Петроградѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ качествѣ публичнаго лектора. Къ этому у него были спеціальныя прирожденныя способности. Громкій ясный голосъ, выразительныя интонаціи, широкіе, изящные жесты и главное, необыкновенно яркое, образное изложеніе. Онъ умѣлъ наэлектризовать аудиторію; его лекціи даже въ избалованномъ Петроградѣ привлекали многочисленную публику и имѣли блестящій успѣхъ. Въ провинціи же ему приходилось выступать

даже въ театральныхъ залахъ. Лекціи его содержали или популярное изложеніе нѣкоторыхъ географическихъ отдѣловъ, или чаще — сообщенія объ его послѣднихъ путешествіяхъ, или послѣднихъ научныхъ работахъ, а въ послѣдніе годы большинство его лекцій были посвящены Батумскому побережью, его культурамъ и иллюстрировались обильными свѣтовыми картинами, изображавшими успѣхи батумскихъ культуръ.

Особенно много работалъ А. Н. надъ созданіемъ «Курса землевѣдѣнія», который и былъ дважды изданъ—въ Харьковѣ въ 1895—99 годахъ и въ Петроградѣ въ 1909 году. Это первый и до сихъ поръ, кажется, единственный общій курсъ землевѣдѣнія, написанный русскимъ ученымъ. А. Н. высказалъ въ немъ обширную эрудицію, собралъ громаднй матеріалъ и мастерски его расположилъ и изложилъ.

Къ сожалѣнію, въ цѣломъ «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н. встрѣтилъ особаго сочувствія въ ученой литературѣ. Ему были поставлены въ вину многочисленныя опечатки, неточныя цитаты и вообще недостатки, подобные тѣмъ, за которые укоряли еще магистерскую диссертацию А. Н. на диспутѣ его официальные оппоненты. Поэтому здѣсь будетъ кстати коснуться досадныхъ недостатковъ работъ А. Н., имѣвшихъ такое печальное вліяніе на его ученую судьбу у насъ на родинѣ. Надо замѣтить, что въ своихъ работахъ А. Н. былъ крайне одинокъ. Въ провинціальномъ университетѣ того мрачнаго періода русской жизни, въ которой пришлось работать А. Н., не было ни достаточнаго количества специалистовъ въ его области, съ которыми оно могъ бы дѣлиться своими научными интересами, ни тѣмъ болѣе достаточнаго количества учениковъ, которые могли бы быть вмѣстѣ и помощниками А. Н. Работы его часто печатались въ провинціальныхъ типографіяхъ, мало приспособленныхъ въ печатанію ученыхъ работъ, или еще хуже—посылались въ Петроградъ, откуда корректуры получались по почтѣ. Всю черновую работу ему приходилось дѣлать самому. Къ этому надо прибавить еще неразборчивость почерка А. Н., его постоянные разъѣзды, при которыхъ ему не было достаточно времени для чисто кабинетной работы. Приходилось работать урывками, въ очень неблагопріятной обстановкѣ, иногда въ гостиницѣ, или въ чужомъ домѣ. При такихъ условіяхъ, описки и опечатки были неизбѣжными спутниками его статей, тѣмъ болѣе, что лично А. Н., по складу своего характера, не склоненъ былъ придавать имъ того важнаго значенія, которое придавали имъ его рецензенты.

Домашняя жизнь А. Н. протекала въ Харьковѣ довольно тихо. Вся она поглощалась ученой работой и общественной дѣятельностью. На развлечения, посѣщенія общества времени оставалось мало. Тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано было, А. Н. былъ принятъ во многихъ домахъ харьковского интеллигентнаго общества. Не забывалъ онъ и своихъ петроградскихъ друзей и родныхъ. Хотя дѣловыя отношенія его съ петроградскими учеными акад. А. С. Фаминцинымъ, акад. И. П. Бородинымъ, проф. И. В. Мушкетовымъ и другими давно кончились, каждый прїѣздъ свой въ Петроградъ онъ неизмѣнно посѣщалъ ихъ и обмѣнивался впечатлѣніями по поводу научныхъ новостей. Отношеніе же его къ своимъ роднымъ и друзьямъ дѣтства было поистинѣ трогательно. Изъ cadaго путешествія привозилъ онъ имъ вещицы на память и никогда не забывалъ посѣтить, на какой бы короткій срокъ ни прїѣзжалъ въ Петроградъ.

10-го мая 1898 года А. Н. женился на Анастасіи Николаевнѣ Радаковой, съ которой познакомился въ домѣ профессора Багалѣя. А. Н. Радакова изъ интеллигентной помѣщичьей семьи (братъ ея В. Н. Радаковъ впослѣдствіи былъ членомъ 1-й Государственной Думы) еще раньше встрѣчалась съ А. Н. въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности. Свадьба была отпразднована очень оригинально, въ сельской церкви подъ Харьковомъ, которая должна была закрыться, за ветхостью, на слѣдующій день, въ селѣ среди цвѣтущихъ яблонь. Среди приглашенныхъ былъ одинъ изъ учениковъ А. Н., тогда еще студентъ, Алчевскій, впослѣдствіи извѣстный теноръ, который спѣлъ молодымъ знаменитую эпиталямъ Рубинштейна. Послѣ обѣда, устроеннаго тамъ же среди природы, молодые отправились въ свадебное путешествие по Европѣ—побывали на Принцевыхъ островахъ, въ Италіи, Швейцаріи и черезъ Петроградъ осенью вернулись въ Харьковъ. Женитьба не измѣнила условій жизни А. Н. Жена его тоже не отличалась свѣтскостью, и жили они попрежнему довольно уединенно. Одно время, А. Н. на полученное имъ небольшое наслѣдство послѣ смерти отца построилъ себѣ домъ въ Харьковѣ, неэкономно такъ, что впослѣдствіи черезъ нѣсколько лѣтъ его пришлось продать и остаться еще съ кое-какими долгами; но очень оригинально. При домѣ былъ устроенъ небольшой садъ и оранжерея, въ которыхъ А. Н. разводилъ рѣдкія, преимущественно тропическія растенія, держалъ экзотическихъ птицъ, а въ зимніе мѣсяцы выписывалъ куколокъ для выведенія бабочекъ, которыхъ пускалъ порхать между цвѣтами. Въ такой экзотической обстановкѣ А. Н. любилъ заниматься

своими учеными работами. Въ самомъ домѣ—въ жилыхъ его комнатахъ, обстановка тоже была экзотическая—множество вещицъ, ширмочекъ, статуетокъ, вазъ и т. п., привезенныхъ А. Н. изъ его многочисленныхъ путешествій, украшали комнаты, придавая имъ отчасти музейный характеръ. При послѣдующихъ переѣздахъ на другія, уже частныя квартиры, вещи эти, къ сожалѣнію, мало-по-малу утрачивались, и обстановка въ Батумѣ, гдѣ провелъ А. Н. послѣдніе годы своей жизни, по отзывамъ посѣщавшихъ его лицъ, уже не была такой нарядной.

VI.

Послѣдніе годы жизни А. Н. въ Харьковѣ здоровье стало ему измѣнять. Приходилось ѣздить лѣчиться въ Висбаденъ, на Кавказскія воды. Дальнія путешествія были уже въ тягость. Сгущалась и политическая атмосфера. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ почти все время происходили безпорядки. Все это создавало тяжелую обстановку, но бодрость духа не покидала А. Н., онъ предается особо кипучей дѣятельности. Къ этому періоду относится его работа «Начатки третичной флоры юга Россіи» (Харьковъ, 1910). Для нея А. Н., несмотря на болѣзнь, дѣлавшую для него путешествія уже трудными, лично посѣтилъ окрестности Саратова, Камышина, села Приволье Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи, окрестности Кривого Рога Херсонской губерніи и село Тарасовку въ Области Войска Донского. Въ Саратовѣ, Камышинѣ и Тарасовкѣ А. Н. были лично собраны богатая коллекція отпечатковъ третичной флоры, легшія затѣмъ въ основу написанной имъ работы. Другія коллекціи были собраны при участіи нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ и частныхъ лицъ, интересовавшихся тѣми же вопросами. Коллекціи эти по обработкѣ были подарены А. Н. Петроградскому Ботаническому саду. На основаніи своихъ изслѣдованій, А. Н. приходитъ къ заключенію, что флора, покрывавшая большую часть Средней и Южной Россіи въ третичную эпоху, была очень похожа на туземную флору Батумской области, и эта послѣдняя флора потому похожа на третичную, что въ Батумской области до сихъ поръ сохранились климатическія условія, сходныя съ тѣми, какія когда-то были во всей южной Россіи.

Эта работа была послѣднею работою А. Н. теоретически научнаго характера.

Въ 1911 году издатель «Южнаго Края», въ которомъ А. Н. уже и раньше принималъ дѣятельное участіе, помѣщая

свои фельетоны, содержавшіе по большей части путевыя впечатлѣнія отъ его непрекращавшихся лѣтнихъ поѣздокъ, или статьи, посвященныя Кавказу, надъ поднятіемъ культурной жизни въ которомъ, какъ о томъ ниже скажемъ подробнѣе, А. Н. постоянно работалъ,—пригласилъ А. Н. стать во главѣ редакціи газеты. Послѣ нѣкотораго колебанія А. Н. принялъ это предложеніе и, какъ всегда, горячо и съ увлеченіемъ отдался новому дѣлу. Газета имъ велась въ строго прогрессивномъ духѣ, и при существующемъ у насъ положеніи печати А. Н. въ качествѣ редактора пришлось перенести много тяжелыхъ минутъ и осложненій.

По присущей отъ природы А. Н. разсѣянности и нѣкоторой небрежности, которая вредила А. Н. и въ его ученыхъ работахъ, въ своей редакторской дѣятельности А. Н. еще чаще подавалъ поводъ къ столкновеніямъ съ цензурой. То онъ пропуститъ какой-нибудь непровѣренный слухъ, то неосторожное выраженіе. И противъ него былъ возбужденъ цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ росла извѣстность и популярность А. Н., какъ талантливаго журналиста и редактора, росли и судебные процессы. На 2-мъ Всероссийскомъ писательскомъ сѣздѣ въ Петроградѣ въ 1911 году, А. Н. представлялъ редакцію «Южнаго Края», и сѣздъ почтилъ его избраніемъ въ товарищи предсѣдателя Сѣзда. Зато по возвращеніи изъ Петрограда въ Харьковъ, А. Н. пришлось предстать передъ судомъ судебной палаты съ сословными представителями. А. Н. защищался и самъ, и черезъ извѣстнаго адвоката, и на этотъ разъ кара ограничилась только наложеніемъ на газету крупнаго штрафа.

Такая жизнь, конечно, нисколько не соотвѣтствовала ни состоянію здоровья А. Н., тогда уже весьма разстроеннаго (у него начинался процессъ въ костяхъ ноги, въ концѣ-концовъ сведшій его въ могилу), ни его характеру, очень скромному, благожелательному и мирному, ни его общественному положенію. Поэтому А. Н. сталъ искать выхода изъ создавагося положенія, сталъ искать иной дѣятельности взамѣнъ литературной и профессорской. Последняя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе терзала его нервы, не давая достаточно нравственнаго удовлетворенія, такъ какъ онъ не видѣлъ въ послѣдніе годы ни торжества своихъ идей, ни даже появленія молодыхъ учениковъ, которымъ онъ могъ бы ихъ передать. Выходъ онъ нашелъ въ высокой культурной дѣятельности—превращеніи дикаго края въ богатый и

плодоносный, дѣятельности высоко-прославленной еще Гете во II части его «Фауста».

VII.

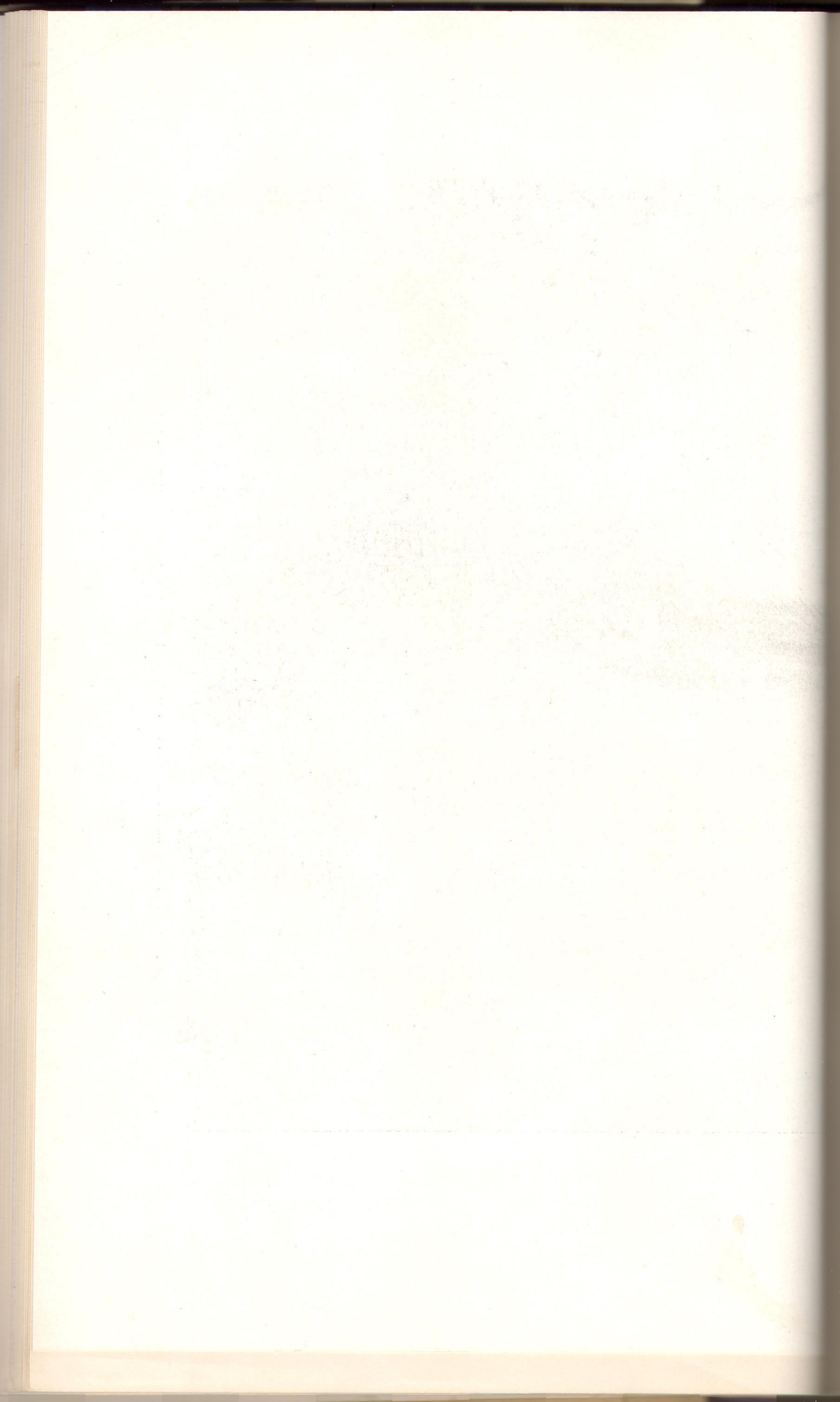
Мы должны вернуться, однако, нѣсколько назадъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ А. Н. зачитывался описаніями путешествій по тропическимъ странамъ и мечталъ самъ повторить ихъ со-временемъ. Судьба не допускала его до этого долгое время. Свою юность и первую молодость А. Н. посвятилъ изученію «странъ съ менѣе роскошной природой»,—и путешествія его были преимущественно по степямъ, на сѣверѣ, или въ холодныхъ горахъ сѣверной Азіи. Одно время онъ, казалось, забылъ южную природу, и въ цитированной нами его дѣтской элегіи говорилъ, что полюбилъ сѣверъ. Но его дѣтская любовь въ дѣйствительности никогда не умирала. Въ 1892 году ему впервые удалось увидѣть настоящій югъ. И около того же времени А. Н. увидалъ наше кавказское побережье, и сразу же оцѣнилъ возможность создать здѣсь ту южную тропическую обстановку, которою онъ баюкалъ себѣ нѣкоторое время въ Харьковѣ, когда случайный достатокъ средствъ это ему позволялъ.

Небольшое наслѣдство, полученное А. Н. послѣ смерти его отца, въ 1900 году онъ употребилъ на постройку дачи на отведенномъ ему около Сочи земельномъ участкѣ. Здѣсь на личныя средства, движимый своимъ пристрастіемъ къ южной природѣ, А. Н. дѣлалъ въ сущности важное общественное дѣло—опыты акклиматизаціи разныхъ рѣдкихъ южныхъ декоративныхъ и промышленныхъ растений. Эти опыты, описанные имъ и въ популярныхъ статьяхъ въ «Южномъ Краѣ» и въ «Книжкахъ Недѣли», и въ специальныхъ сельскохозяйственныхъ журналахъ, сыграли видную роль въ заселеніи и культивированіи черноморскаго побережья. Большинство мѣстныхъ садовладѣльцевъ руководствовались его указаніями съ тою разницею, что А. Н. изъ своихъ опытовъ не извлекъ ничего, кромѣ научнаго интереса, а тѣ получили и матеріальныя выгоды.

Но опыты А. Н. въ Сочи скоро прекратились. Косность нашего Русскаго Общества пароходства и торговли до сихъ поръ еще не побудила его устроить сколько-нибудь сносную пристань въ Сочи, а посадка среди моря въ турецкія фелюги была подъ силу только самому А. Н., выдавшему всякіе виды во время своихъ путешествій, но его семья согласилась подвергнуться такой операціи только одинъ разъ. Въ результатѣ дача въ

Проф. А. Н. Бекетовъ со своими учениками выпуска А. Н. Краснова (Красновъ рядомъ съ проф. Бекетовымъ).

Сочи не могла служить для А. Н. даже лѣтнимъ пребываніемъ. Сверхъ того, расходы на нее росли съ каждымъ годомъ, и въ результатѣ А. Н. пришлось ее продать около 1904 года.

Съ другой стороны, его опыты въ Сочи убѣдили, что климатъ послѣдняго не исключаетъ настолько холодныхъ зимъ, что онѣ могутъ быть гибельны для субтропической растительности, и что русскіе тропики надо устраивать еще южнѣе, въ Батумской области. Тамъ-то и рѣшилъ А. Н. устроить тотъ южный рай, о которомъ онъ мечталъ съ дѣтства. Съ мечтою устройства этого рая, онъ и носился во время своихъ разочарованій въ Харьковѣ послѣдніе годы.

Съ отличавшею А. Н. въ такихъ случаяхъ энергіею, онъ немедленно принялся за осуществленіе намѣченной идеи. Въ началѣ 1912 года онъ поѣхалъ въ Петроградъ и подалъ главному управляющему землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеину обстоятельную докладную записку, въ которой предлагалъ устроить на Батумскомъ побережьи, въ указанномъ имъ мѣстѣ, обширный ботаническій садъ, гдѣ бы производились опыты надъ акклиматизаціей въ Батумской области культурныхъ растений, и былъ бы ихъ разсадникъ для края. Записка была составлена такъ обстоятельно, серьезно и убѣдительно, что ей сразу былъ данъ ходъ. А. Н. брался стать во главѣ этого дѣла за самое ничтожное вознагражденіе и готовъ былъ немедленно выѣхать въ Батумъ. И уже въ мартѣ мѣсяцѣ А. Н. отказался отъ должности профессора Харьковскаго университета и редактора «Южнаго Края», и уѣхалъ въ Петроградъ устраивать окончательно дѣла по своему переселенію въ Батумъ.

Въ Петроградѣ онъ былъ настроенъ удивительно бодро, но нѣсколько элегически. Развивающаяся болѣзнь угрожала опасностью, и А. Н. шутя говорилъ, что ѣдетъ умирать въ Батумъ, что ему предсказали, будто тамъ онъ проживетъ всего два года. Тогда всѣ смѣялись, и не хотѣлось вѣрить, что предсказаніе можетъ сбыться. Тогда-то А. Н., съ нѣкоторыми друзьями дѣтства, объѣхалъ мѣста, памятные ему съ юныхъ лѣтъ, и описалъ ихъ въ своихъ фельетонахъ «Южнаго Края»,—мѣста всѣмъ знакомыя и можно сказать прозаическія, въ родѣ Лѣснаго, но подъ перомъ А. Н. они вспыхнули свѣтомъ поэзіи, и описанія вышли оригинальными и интересными, какъ и все, къ чему прикасался А. Н.

Къ лѣту А. Н. уѣхалъ въ Батумъ и принялся за дѣло разбивки сада такъ энергично и успѣшно, что въ два года сдѣлалъ то, на что нужно было десять лѣтъ. Его программа сада была

очень широка. На изрѣзанной ложбинами, ущельями и покрытою довольно высокими холмами площади въ 65 десятинъ долженъ былъ возникнуть садъ, распадавшійся на отдѣлы—японскій, чилійскій, флоридскій, гималайскій, мексиканскій, сѣверо-американскій, новозеландскій и др. Болѣе подробно программа эта изложена въ посмертной брошюрѣ А. Н. «Южная Колхидъ»¹⁾. Къ концу 1914 года садъ по этой программѣ былъ уже почти совершенно готовъ, несмотря на то, что работа его встрѣчала не мало помѣхъ и со стороны формализма казенныхъ учреждений, съ которыми онъ энергично боролся личными увѣщаніями и уговорами, ради которыхъ не лѣнился ѣздить изъ Батума въ Петроградъ, и со стороны разныхъ недоброжелательныхъ критиковъ, желавшихъ показать свои познанія. И замѣчательная черта А. Н.—никогда въ теченіе всей своей жизни не увлекался онъ полемикой ни въ какомъ видѣ; имѣя полную возможность свести счеты со своими недоброжелателями въ газетахъ и журналахъ—ни разу не прибѣгнулъ къ этому средству. Напротивъ, всегда и ко всѣмъ онъ относился благожелательно и благо-склонно, дѣлясь своими знаніями и опытомъ, не заботясь, что изъ этого можетъ быть сдѣлано употребленіе противъ него самого, что его идею выдадутъ за свою и т. п. Отъ того въ концѣ-концовъ у него не было враговъ, а иногда имѣлись лишь завистники,—хотя, по правдѣ сказать, А. Н. довольствовался столь не многимъ, никогда не гнался за внѣшнимъ успѣхомъ, да по самой природѣ своей и не могъ за нимъ гнаться, что и серьезно завидовать ему никто и не могъ бы. Отъ того и люди, относившіеся къ нему сначала недоброжелательно, въ концѣ-концовъ, если не были лишены въ душѣ чувства справедливости, старались загладить свое первоначальное отношеніе и помириться съ А. Н.

А. Н. не терпѣлъ пустоты въ своемъ времени. Поэтому и въ Батумѣ дѣятельность его была очень кипуча. Онъ вступаетъ въ Батумское Общество Сельскаго Хозяйства, редактируетъ издаваемый имъ органъ «Русскіе субтропики», который иногда полностью заполняетъ своими статьями, оригинальными и переводными, посвященными мѣстнымъ культурамъ. Кромѣ того, онъ согласился преподавать географію въ одномъ изъ младшихъ классовъ батумской гимназіи. По отзыву бывшего директора этой гимназіи Г. Г. Генкеля, онъ немедленно успѣлъ вызвать

¹⁾ «Знаніе для всѣхъ». Изданіе П. П. Сойкина. Эта брошюра, прекрасно изданная и богато иллюстрированная, является прекрасной данью памяти «пѣвца Колхиды».

самую сердечную привязанность малышей, которые иначе его не называли, какъ «нашъ профессоръ»¹⁾).

Въ то же время онъ изучаетъ грузинскій языкъ, занимается которымъ началъ еще въ Харьковѣ, передъ переселеніемъ въ Батумъ, переводить грузинскихъ поэтовъ, изучаетъ исторію края и пишетъ брошюру «Южная Колхида»—въ цѣляхъ пропаганды новаго края.

Осенью 1913 года въ Петроградѣ была устроена выставка «Русская Ривьера». А. Н. явился однимъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣятелей, привезъ на выставку образцы пататовъ, тропической овощи, которую онъ уже успѣлъ вырастить къ этому времени въ Батумѣ. Онъ читалъ во время выставки интересныя публичныя лекціи, въ которыхъ знакомилъ петроградское общество съ задачами своей настоящей дѣятельности и съ теоретическими ея обоснованіями.

Выставка эта показала, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что уже было достигнуто краемъ—главнымъ образомъ, въ силу ученыхъ заслугъ самого А. Н., такъ какъ начало культуръ и самая возможность ихъ въ Батумской области была выяснена въ значительной степени его трудомъ «Чайные округа», созданнымъ, какъ результатъ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства 1895 года.

Усиленная работа не могла не отозваться на здоровьѣ А. Н. Лѣтомъ 1914 года ему пришлось ѣхать на Кавказскія минеральныя воды, а оттуда врачи послали его въ Парижъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ началась война, и А. Н. съ большимъ трудомъ удалось вернуться на родину черезъ Марсель и Средиземное море. Черезъ Босфоръ А. Н. пришлось проѣхать въ то время, когда въ немъ уже стоялъ «Гебень», и Турція готовилась къ объявленію войны. Пушки были наведены на корабль, турки издѣвались надъ русскими пассажирами. Настроеніе А. Н. было тяжелое—онъ проѣхалъ изъ Одессы прямо въ мѣстечко Кочетокъ подъ Харьковомъ, въ лѣсничество, въ которомъ постоянно живетъ его сестра и въ это время находилась мать А. Н., а по сосѣдству и его жена съ дочерью. А. Н. пріѣхалъ поздно ночью и былъ, очевидно, очень разстроенъ. Только мало-по-малу онъ оправился. Такъ какъ Турція все еще не выступала, А. Н. отправился въ Батумъ. Но уже спустя нѣсколько дней ему пришлось уѣхать изъ Батума; къ нему подошелъ турецкій флотъ, и съ суши угрожало турецкое войско. А. Н. переѣхалъ въ Тифлисъ. Здѣсь съ непокидающей его энергіей онъ принялся читать лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ,

¹⁾ «Естествознаніе и Географія» 1915 г., № 1.

продолжалъ редактировать «Русскіе Субтропики», занимался разборкой присылаемыхъ для Батумскаго сада растений... Около 10 декабря, однако, костный процессъ на ногѣ обострился, образовался глубокой нарывъ. Мѣстные врачи приняли болѣзнь за простую инфлуэнцу. Повышеніе температуры продолжалось. А. Н. перевезли въ больницу, и 19 декабря онъ скончался отъ зараженія крови.

Хоронили А. Н. очень торжественно. Тѣло его было перевезено въ Батумъ и погребено въ Ботаническомъ саду, на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ ранѣе указалъ, какъ желательное мѣсто погребенія. Въ выборѣ этого мѣста, сдѣланномъ еще задолго до смерти, сказалась вся глубина художественныхъ переживаній, которыя такъ заполняли внутренній міръ А. Н. «Какъ мнѣ эти тополи, говорилъ онъ въ предсмертномъ предчувствіи ¹⁾, напоминаютъ меня самого: вѣдь, для Кавказа тополь—растеніе чуждое, пришлое, такъ же какъ и я—пришелецъ изъ Донскихъ степей. Но эти ліаны такъ сковали эти тополи, что не вырваться имъ изъ власти Кавказа. Не находите-ли аналогіи со мной? Меня тоже сковалъ Кавказъ своими чудными красотами, я не уйду отсюда... Сдѣлайте отъ могилы просьбу, чтобы мнѣ видна была Чаква, съ окружающими ее снѣговыми горами, кусочкомъ моря, я тамъ впервые началъ работу; тамъ тоже осталась частичка моего я... Какъ красивы эти кактусы на группѣ камней у склона, они вѣдь—символь смерти... А бесѣдка изъ бамбука внизу? Какъ это красиво! Вѣдь это символъ красоты и легкости жизни... Я люблю море, но боюсь его безпредѣльности, которую не могу объять... Закройте ліанами деревья, чтобы его не было видно»...

П. К.

¹⁾ См. А. Василевскій. «Профессоръ А. Н. Красновъ, жизнь его и труды» («Русскіе Субтропики», 1914, № 11—12).